

Неизвестно, был ли Император Цзун Тинлин по-настоящему очарован той ночью, проведенной в объятиях Тун Цзыгэ, или же им двигала извращенная тяга сделать юношу объектом своих унижений, но с тех пор каждый вечер, когда наступали сумерки, на подносе евнуха из Паллаты дел внутренних неизменно лежала табличка с именем благородной госпожи Тун.

При свете свечей эта табличка отливала пугающим блеском, словно вынесенный судьбой жестокий приговор для Тун Цзыгэ.

Происходящее обрушилось на задние покои подобно свирепому шторму. Женщины гарема, где и без того подспудно бурлили течения зависти и интриг, оказались полностью поглощены гневом и ненавистью. Их ропот, подобно яростным морским волнам, разносился по каждому уголку дворца, разбивая иллюзию незыблемого спокойствия, которую так старательно поддерживали при дворе.

В роскошных, но ледяных покоях одна из наложниц, облаченная в платье цвета гусиного пуха и украшенная драгоценными заколками, сидела на резном сандаловом стуле. От гнева её лицо исказилось, а некогда прелестные черты наполнились злобой.

Шелковый платок в её руках был до того сжат, что, казалось, даже тончайшие нити ткани страдают под её яростным напором.

— Хм, эта благородная госпожа Тун хоть и вышла из знатного дома, но как она могла так приворожить Императора, что он каждую ночь выбирает именно её табличку? Уж не прибегла ли она к каким-то низким уловкам?

— Верно говоришь, сестра. Посмотри, как она вечно притворяется слабой и беспомощной, строит из себя несчастную, чтобы соблазнить Императора — просто тошно смотреть.

— У неё наверняка есть какая-то тайная грязная связь. Кто знает, может, она вовсе не из порядочной семьи, а просто бесстыдная соблазнительница.

— Именно так. Мы не можем просто сидеть сложа руки и смотреть, как она единолично завладела благосклонностью Императора. Нужно придумать способ проучить её, чтобы она знала: этот гарем не то место, где можно творить что вздумается.

Однако обитатели гарема и не подозревали, что для Тун Цзыгэ каждая ночь была пыткой, худшей, чем сама смерть. Стоило прийти известию о вызове на ночлег, как сердце Тун Цзыгэ наполнялось ужасом, словно он проваливался в бездонную пучину тьмы.

Он волочил ноги, ставшие тяжелыми, как свинец, шаг за шагом приближаясь к спальным покоям Императора. Каждый шаг давался ему с трудом, словно он тратил последние жизненные силы. Ледяной ветер проносился мимо, обдувая его тело, но холод внутри него был в тысячу раз сильнее любого мороза.

Войдя в покои, где воздух был пропитан гнетущей атмосферой, Тун Цзыгэ сразу почувствовал на себе тяжелый, агрессивный взгляд Цзун Тинлина. Превозмогая страх и унижение, Тун Цзыгэ опустился на колени и поклонился. Его голос дрожал, и он не мог с этим ничего поделать:

— Ваше Величество.

— Подойди.

Тун Цзыгэ нетвердой походкой подошел к нему. Не успел он толком устоять на ногах, как раздался холодный голос Императора:

— Опустись на колени.

Не смея послушаться ни на йоту, он почувствовал, как ноги подкосились. Тун Цзыгэ медленно опустился на холодный пол. Холод от соприкосновения колен с поверхностью мгновенно пронзил ткань одежды и дошел до самых костей.

Цзун Тинлин, словно не замечая сдавленного дыхания Тун Цзыгэ, принялся просматривать доклады. Его взгляд был прикован к строчкам, а кисть с алой тушью то и дело оставляла пометки.

Тун Цзыгэ низко опустил голову, боковым зрением наблюдая за холодным профилем Императора, и беспокойство в его душе разрасталось, подобно дикой траве.

Время будто растянулось до бесконечности, каждая минута была для Тун Цзыгэ сплошным истязанием. Его ноги постепенно немели: сначала появилось ноющее чувство, затем он вовсе перестал их чувствовать, и лишь пронизывающий холод в коленях напоминал о том, в каком постыдном положении он находится.

Он попытался незаметно сменить позу, чтобы хоть немного облегчить боль, но малейшее движение в тишине огромного зала казалось оглушительным, словно удар грома.

Он украдкой взглянул на Цзун Тинлина и, заметив, что тот даже бровью не повел, продолжая погружаться в государственные дела, на мгновение перевел дух. Но сердце тут же снова сжалось от бесконечного напряжения.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Император Цзун Тинлин наконец отложил кисть. Тихий стук в пугающей тишине дворца прозвучал как раскат грома, заставив и без того натянутые до предела нервы Тун Цзыгэ вздрогнуть.

Цзун Тинлин медленно встал, подошел к Тун Цзыгэ и остановился. Затем он неспешно наклонился, глядя на него сверху вниз, словно на ничтожного муравья.

— Ноги уже не держат?

Голос его был низким и ледяным, но в нем слышались едва уловимые нотки насмешки — так кот играет с умирающей мышью.

Услышав это, Тун Цзыгэ машинально закусил губу, пока та не побелела, а из ранки не проступила капля крови. Он словно не чувствовал боли, а лишь отчаянно качал головой. Его растрепанные волосы разметались по щекам, делая его лицо еще более мертвенно-бледным.

Наблюдая за ним, Цзун Тинлин растянул губы в жестокой улыбке:

— Если не можешь стоять на коленях, я помогу тебе.

Тун Цзыгэ вскрикнул в пустом дворце, и никто не осмелился прийти ему на помощь. Лишь пламя свечи дрожало в тишине, будучи немым свидетелем этой трагедии.

<http://bllate.org/book/22353/2342714>